

[Рец. на: / Review of:] **Talmy Givón. *The story of zero***. Amsterdam: John Benjamins, 2017. xv, 414 p. ISBN 9789027212399.

Сергей Сергеевич Сай

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия; Санкт-Петербургский
государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия; serjzhka@yahoo.com

Sergey S. Say

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russia; St. Petersburg
State University, St. Petersburg, Russia;
serjzhka@yahoo.com

DOI: 10.31857/S0373658X0007553-7

Один все тот же ты
(Пушкин, «К вельможе»)

Рецензируемая книга построена по принципу темы с вариациями. В качестве сквозной темы выступает не только объект рассмотрения — (синтаксический) нуль, вынесенный в заглавие книги, — но и определенный тезис. Вкратце этот тезис сводится к тому, что нуль используется для кодирования ожидаемой и повторяющейся информации, при этом используется широко, потому что человеческая речь в очень значительной степени живет именно на такой информации.

Вариации этой сквозной темы невероятно широки. Помимо синтаксиса, они затрагивают морфологию и дискурс. Ключевой тезис получает отдельную интерпретацию применительно к коммуникативным процессам (воздействие говорящего на слушающего) и к когнитивным процессам (поддержание активации референтов). Обсуждение синхронных закономерностей соседствует с анализом диахронических процессов, приводящих к возникновению нулей и их функциональных аналогов. В качестве эмпирических свидетельств привлекаются самые разные объекты: от употребления личных местоимений в испанском до распределения средств кодирования обстоятельств времени по разным книгам Ветхого завета, от дискурсивных особенностей пиджинов до релятивизации у Шекспира, от речи афатиков с поражением зоны Брока до становления систем переключения референции в языках Новой Гвинеи — во всех этих явлениях автор находит подтверждение своих ключевых идей.

Неизбежной платой за выбранный способ изложения является некоторая пестрота книги. По-видимому, хотя это и не проговаривается эксплицитно, она объясняется и характером подготовки текста к печати. Отдельные главы в большой степени автономны друг от друга, при этом их подавляющее большинство — это переработанные версии более ранних публикаций, многие из которых входят в золотой фонд функционально-типологического синтаксиса [Givón 1976; 1980; 1990; 1992; 2002; 2009; 2015]. Фактически, хотя «История нуля» выпущена в 2017 г., книга представляет собой еще одно изложение взглядов Гивона на проблемы референции, отраженных в различных его работах последних 40 лет и во многом сформировавших наши знания о референции и, шире, о соотношении синтаксиса и дискурса. Таким образом, насколько я могу судить, смысл публикации новой книги состоит в основном в том, чтобы изложить известные идеи, сконцентрировав их вокруг относительно нового сквозного мотива.

В первой главе (“The communicative ecology of zero anaphora”) закладываются основы для всего последующего изложения и формулируются принципы, определяющие возникновение нулевой анафоры в дискурсе. Здесь, в частности, показывается, что выбор референциального выражения в большой мере отражает расстояние до предыдущего упоминания того же референта (anaphoric distance). Если анафорическое расстояние превышает три клаузы, используются полные именные группы. При анафорическом расстоянии в 2–3

клаузы используются ударные местоимения. Наконец, контексты с максимальной референциальной преемственностью (*continuity*) — те, где анафорическое расстояние равно 1, — составляют функциональную нишу для слабых референциальных средств. В эту группу Гивон объединяет безударные личные местоимения, обязательное глагольное согласование и как раз находящиеся в центре внимания нули. Регулярная связь между анафорическим расстоянием и типом референциального выражения подтверждается данными английского, испанского, иврита, юто-ацтекского языка юте и некоторых других языков (этот набор типичен для работ Гивона).

Идея о том, что анафорическое, или референциальное, расстояние, будучи осязаемой мерой поддержания референции в дискурсе, в значительной мере определяет выбор референциальных выражений, включая нули, впервые была высказана именно Гивоном [Givón 1983]. Без этой идеи теперь невозможно представить себе изучение анафоры в дискурсе. Чуть больше вопросов вызывает объединение в единую группу всех слабых референциальных выражений — нулей, безударных местоимений и «согласовательных показателей». Во-первых, эта группа изначально не кажется однородной: так, «обязательное согласование» на глаголе может встречаться и при наличии эксплицитной именной группы, и при ее отсутствии. Более того, языки с обязательным глагольным согласованием могут очень различаться по частотности употребления безударных личных местоимений в позиции субъекта (для этого вывода достаточно сравнить русский и латынь). Таким образом, включение обязательных согласовательных показателей в число «слабых» средств можно понять скорее как учет случаев отсутствия каких-либо иных реферирующих элементов в составе клаузы. Во-вторых, во многих работах показывается, что между разными слабыми референциальными выражениями есть существенные различия [Kibrik 2011: 71–285]. Однако Гивон предпочитает акцентировать внимание не на них, а на функциональном сходстве между слабыми выражениями — в частности, потому что он таким образом подводит читателя к мысли о диахронической связи между ними.

Во второй главе (“The grammar of referential coherence as mental processing instructions”) разрабатывается идея о том, что грамматика представляет собой некий код, при помощи которого говорящий посылает инструкции по интерпретации поступающей информации. Поскольку всякий текст представляет собой компромисс между известной и новой информацией, конкретные грамматические средства как раз и позволяют маркировать информацию как продолжающуюся или новую, важную или неважную и т. д. Также показывается, что говорящий, порождая «инструкции», одновременно учитывает предшествующий контекст, ситуацию речи и общие знания о мире. Применительно к центральной теме книги формулируется следующее обобщение: анафорический нуль является сигналом к сохранению активации уже активированных узлов в когнитивной системе, при этом такая инструкция — это выбор по умолчанию, а вот смена активации — это маркированный выбор.

Изложенные идеи Гивона давно известны и активно развиваются многими, ср., например, различение шести уровней активации в [Gundel et al. 1993]. Некоторая проблема таится тут в уровне абстрактности используемой модели. Яркий пример такой риторики — уподобление возможных действий слушателя работе с системой «файлов» (возможно, в момент первой публикации имелись в виду папки с бумагами): «создать новый файл», «записать в открытый файл» или «закрыть файл». Неясно, насколько такое метафорическое описание когнитивной деятельности может быть эмпирически (нейролингвистически?) верифицировано. Как и в других разделах книги, Гивон уделяет больше внимания доказательству универсальных закономерностей, чем поиску и объяснению различий между языками. Так, на с. 50 приводится таблица, показывающая, что в разных языках слабые референциальные выражения оказываются частотнее полных именных групп. Этот вывод важен, но бросается в глаза, что даже в рамках выборки из пяти языков доля, которая приходится на слабые референциальные выражения, варьирует от 64 % до 93 %. Такой значительный разброс мог бы быть рассмотрен в рамках соответствующего параметра типологического варьирования (как «референциальная плотность» у Б. Бикеля [Bickel

2003]). Однако для Гивона эти различия не так интересны, как факт преобладания слабых референциальных выражений над полными именными группами в рассмотренных языках.

В третьей главе (“Zero and the rise of pronominal agreement”) раскрываются диахронические связи между различными типами референциальных выражений. В центре находятся три типа переходов: от указательных местоимений к независимым личным местоимениям, от независимых местоимений к безударным местоимениям-клитикам и от безударных клитик к обязательным маркерам глагольного согласования. Нуль встраивается в эту цепь в качестве конечного звена — он возникает в случае эрозии согласовательных показателей, если к этому моменту не запускается новый цикл грамматикализации слабых референциальных средств. Обращение к диахронии позволяет Гивону увидеть связь между наличием личного согласования на глаголе и отсутствием безударных личных местоимений, использующихся в ситуации максимальной активации референта.

Апелляция к диахроническим сценариям развития глагольного согласования из конструкций с топикализацией как будто бы позволяет Гивону объяснить эмпирическое обобщение, высказанное еще Э. Моравчик [Moravcsik 1974]: языков с субъектным согласованием больше, чем языков, в которых глагол согласуется с субъектом и определенным объектом, а тех в свою очередь больше, чем языков с обязательным субъектно-объектным согласованием. Проблема, однако, в истинности самого этого обобщения: по данным Всемирного атласа языковых структур, маркирование и субъекта, и объекта на глаголе встречается существенно чаще, чем маркирование одного субъекта [Siewierska 2013]. Расхождения в типологических обобщениях могут объясняться различиями в том, как согласование ограничивается от других типов индексирования актантов. Сам Гивон противопоставляет «безударные клитики» и «обязательные маркеры согласования». Такая формулировка предполагает, что два аспекта грамматикализации (превращение из клитики в аффикс и развитие обязательности) должны идти параллельно. На самом деле это не совсем так: например, личные показатели в польском обязательны, но иногда ведут себя как клитики. С учетом такой рассинхронизации различных аспектов грамматикализации становится понятна та точка зрения, согласно которой разграничение согласовательных маркеров и других личных индексов затруднено или принципиально невозможно [Siewierska 2004: 121; Haspelmath 2013]. Помимо этого, предположение Э. Моравчик, принимаемое Гивоном (с. 90), может объясняться перекосом в пользу языков Евразии — того макроареала, где полиперсональное спряжение представлено меньше всего [Siewierska 2013].

Четвертая глава (“Early diachrony of pronominal agreement: A case study in Ute”) тематически посвящена тем же проблемам, что и предыдущая, но здесь они скрупулезно рассматриваются на материале одного языка — юте. Гивон анализирует два процесса: а) переход ударных независимых местоимений в безударные местоименные клитики, а этих последних в глагольные показатели согласования; б) развитие конструкции с вынесенным топиком в такую синтаксическую конструкцию, где личный показатель согласуется с выраженным в той же клаузе актантом. Особенный интерес состоит в том, что юте находится на срединных этапах описанных выше сценариев развития, поэтому количественный анализ текстов на этом языке позволяет увидеть синхронный срез динамического процесса. Гивон убедительно показывает, что факультативные личные маркеры в юте в основном появляются либо при введении новых референтов в дискурс, либо при переключении референции, а в ситуации поддержания референции, в полном соответствии с основным тезисом книги, обычно используется нуль (с. 108–109).

Не ставя под сомнение предлагаемый Гивоном анализ фактов юте, невозможно все же не заметить, что теоретически параллелизм между процессами а) и б), названными выше, соблюдается не всегда. Даже если не обсуждать зыбкую проблему конструкций топикализации, можно убедиться в том, что свободное (несвязанное) местоимение в принципе может использоваться как устойчивое (*tenacious*, термин А. А. Кибрика [Kibrik 2011]), то есть синтагматически сочетаться с полноценной именной группой, как в примере (1) из хауса. В то же время связанный личный показатель в принципе может быть чередующимся

(alternating [Ibid.]), то есть находиться в дополнительной дистрибуции с полной именной группой, см. примеры (2a) и (2b) из карибского языка макуши.

- (1) *Sai damisa ya tafo, ya ishe nama, babu kowa*
 then leopard 3.M.FOC.PFV come 3.M.FOC.PFV find meat NEG.EXIST everyone
 ‘And the leopard came and found the meat, with no one near it’ [Kibrik 2011: 81].
- (2) a. *U-yonpa-kon João ko'mamî-'pî miarî*
 1-relative-COLL John remain-PST there
 ‘Our relative John stayed there’.
- b. *Aa-ko'mamî-'pî asakîne wei kaisarî*
 3-remain-PST two day up:to
 ‘He remained two days’ [Siewierska 2004: 123].

Сказанное не ставит под сомнение связь между поддержанием референции и выбором слабых референциальных средств, но заставляет предполагать, что глагольное согласование не всегда формируется из местоимений через конструкции топикализации.

Название пятой главы (“Is zero anaphora a typological exotica?”) наводит на мысль о том, что ее содержание могло бы сводиться к короткому ответу — «нет». Этот вывод в конечном счете и делается, но не прямолинейно — через обращение к языкам, для которых широкое использование нулевой анафоры не вызывает сомнений, — а через сложное полемическое построение, основным объектом критики в котором становится гипотеза о параметре (не)конфигурационности. В этой главе особенно детально рассматриваются факты английского языка — языка, про который считается, что в нем представлены обязательные подлежащие местоимения (а не нули), да еще и занимающие фиксированное положение в предложении. Давно известно, что такие системы, некогда казавшиеся самыми «логичными», на самом деле типологически редки и представляют собой ареальную черту языков Европы (см. хотя бы [Dyer 2013]). Обращаясь к фактам неотредактированной устной речи, Гивон показывает, что на самом деле даже в английском можно найти множество черт, которые постулировались в свое время как признаки неконфигурационности. Один из основных эмпирических аргументов состоит в том, что актанты, особенно подлежащие, регулярно выражаются в устной речи как приглагольные местоименные клитики, а за пределами глагольного комплекса актантные выражения появляются только при особых условиях, отчасти напоминающих те, которые описывались для неконфигурационных языков. В рамках такой трактовки английский приближается к языкам с нулевым подлежащим (в каком-то смысле, согласно трактовке Гивона, в эту группу попадут все языки мира).

Как и книга в целом, пятая глава проникнута страстным антигенеративным пафосом. В частности, она направлена против (поддерживаемой орфографией) идеи, согласно которой английские субъектные местоимения занимают тот же узел в синтаксической структуре, что и полноценные лексические подлежащие. В качестве альтернативы Гивон предлагает рассматривать подлежащие клитики как «связанную глагольную морфологию», то есть явление того же порядка, что личные глагольные показатели в языках с вершинным маркированием. Забавно, что этот параллелизм активно обсуждают и представители критикуемого лагеря, но они делают из него противоположные выводы. Если Гивон считает, что английские подлежащие местоимения не представляют отдельного узла в синтаксической структуре потому, что они функционально похожи на несомненные согласовательные аффиксы, то в генеративной парадигме по похожим причинам получила распространение трактовка некоторых глагольных личных аффиксов как «настоящих» субъектов и объектов в синтаксической структуре.

В шестой главе (“Verbal zero anaphora”) Гивон обращается к случаям, когда некоторая интонационно самостоятельная клауза не содержит эксплицитного глагола, а представленный в ней материал каким-то образом распространяет то, что произнесено в левом контексте, как в следующем примере:

(3) *She did something little... block of wood or something...*

Гивон утверждает, что при интерпретации безглагольных фрагментов¹ работают те же механизмы, что и при восприятии конструкций с нулевой именной анафорой: нуль маркирует максимальную преемственность по отношению к предыдущей клаузе. Для Гивона безглагольные клаузы особенно важны, потому что они характерны для такого режима восприятия речи, который он называет «предграмматическим». Хотя этот режим особенно хорошо заметен в речи детей, афатиков, носителей пиджинов и т. д., по мысли Гивона, он лежит в основе и коммуникации в «обычных» условиях и часто оказывается вне фокуса при анализе грамматики лишь вследствие традиционной ориентации лингвистики на вырванные из контекста самодостаточные предложения.

Содержание седьмой главы (“Cataphoric zero: Passive and antipassive voice”) выделяется на фоне других глав. Если в других главах речь идет о нулевом выражении предсказуемой информации, то здесь обсуждается противоположный принцип: “Unimportant information, one that is not expected to persist in the subsequent discourse, can be left zero-marked” (с. 188). Ни название главы, ни приведенная формулировка не представляются удачными. Во-первых, симметрия анафоры и катафоры оказывается мнимой: под анафорой у Гивона в соответствии с традицией понимается отсылка к предыдущему появлению информации в дискурсе, а под катафорой — неожиданно — непоявление информации в последующем дискурсе. Во-вторых, под нулевым маркированием информации в случае с катафорой понимается скорее отказ говорящего от кодирования информации (ср.: *Вася читает у себя в комнате* — информация о каких-либо свойствах объекта чтения не передается).

Если отрешиться от терминологических оговорок, постулируемый автором принцип очень важен для понимания дискурсивных функций залоговых конструкций — пассивных и антипассивных. Этот принцип, в частности, позволяет объяснить, почему в подавляющем большинстве случаев в этих конструкциях остаются невыраженными агенс и пациенс соответственно, даже если грамматика в принципе допускает их эксплицитное выражение (этот же факт получает у Гивона и диахроническое объяснение). Гивон жестко увязывает возможность выражения агенса при пассиве с тем, продвигается ли в подлежащую позицию пациентивный актант. Статистически такая связь, вероятно, существует, однако это не строгая универсалия: многие языки с продвигающим пассивом не допускают выражения агентивных дополнений (например, латышский), но существуют и конструкции, в которых синтаксически пониженное исходное подлежащее соседствует с дополнением, сохраняющим свой синтаксический статус (*лодку перевернуло ветром* и т. п.).

Как и в других случаях, верификация обобщений опирается в определения используемых понятий. Гивон, как всегда, строго придерживается функционального подхода. В частности, пассивная клауза определяется им как такая, “where the agent of the corresponding active is radically de-topicalized” (с. 189). Такой подход представляет интересную альтернативу бесплодным спорам о необходимых и достаточных структурных признаках пассива (и антипассива). Однако он таит в себе другую опасность: все квантитативные выкладки, подтверждающие дискурсивную мотивацию пассивных и антипассивных конструкций, отчасти становятся циркулярными.

Главы с 8-й по 13-ю объединены во вторую часть книги, озаглавленную “Structural zero”. Общая тема этой части — использование нуля в сложных синтаксических конструкциях. Обычно считается, что употребление нулей в таких конструкциях регулируется правилами синтаксиса, а не закономерностями дискурсивной анафоры. Основная задача Гивона состоит в том, чтобы показать, что на самом деле и такие структуры можно

¹ Гивон систематически использует для структур типа *block of wood or something* в приведенном примере термин «клауза» (clause), но вкладывает в него, очевидно, не синтаксический, а дискурсивный смысл, примерно соответствующий понятию ЭДЕ (элементарная дискурсивная единица) в [Кибрик, Подлесская 2009].

объяснять — синхронно или по крайней мере диахронически — теми же базовыми принципами, которые обсуждались в первой части книги (главы с 1-й по 7-ю, “Natural zero”).

В главах с 8-й по 10-ю (“Co-reference in relative clauses”, “Co-reference in verb complements” и “Co-reference in adverbial complements”) последовательно рассматриваются три основных типа зависимых клауз: относительные клаузы, сентенциальные актанты и обстоятельственные клаузы. Сквозной мотив состоит в том, что все эти структуры восходят к свободным паратактическим конструкциям, а выражение актантов в зависимых клаузах в конечном счете регулируется тем, насколько ожидаемы определенные модели кореферентности между клаузами. Так, относительные клаузы по определению предполагают наличие кореферентного актанта в двух смежных клаузах. Следовательно, ситуация, когда общий актант выражен полной именной группой в главной клаузе, но заменен на «пробел» (gap) в зависимой (ср. *The man [my sister married Ø] is a crook*), реализует те же закономерности, которые характерны для поддержания референции и вне грамматикализованных относительных конструкций. Как и в других разделах книги, здесь внимание в основном уделяется сходствам между языками, а различия между стратегиями релятивизации и языками оказываются в тени. В частности, не обсуждается то, чем мотивировано использование стратегии с пробелом в языках, где относительные клаузы находятся в препозиции к вершинному имени. Почти не упоминаются относительные клаузы «с внутренней вершиной» и коррелятивы. Примеры с резюмтивными местоимениями обсуждаются (хотя сам этот термин не используется), но не показывается, существует ли связь между использованием резюмтивных местоимений в относительных конструкциях и использованием родственных местоимений при дискурсивной анафоре (из логики рассуждения Гивона следует, что такая связь должна существовать, но так или это на самом деле — вопрос спорный). Вместе с тем здесь детально обсуждается функциональная связь релятивизации с номинализацией клауз и предлагается диахроническое объяснение регулярно наблюдаемого в языках мира сходства маркеров релятивизации с указательными местоимениями.

Анализ сентенциальных актантов преимущественно ведется в терминах степени интеграции между главной и зависимой клаузами. Здесь показывается, что синтаксическая редукция финитных свойств в зависимой клаузе (в том числе редукция референциальных средств, отсылающих к подлежащему) мотивирована иконически и демонстрирует систематическую связь с типом матричного предиката. Гивон противопоставляет а) модально-аспектуальные глаголы, б) манипулятивные глаголы и в) глаголы восприятия, знания и речи и показывает, что только для последних типично отсутствие отношений кореферентности между клаузами.

Если анализ сентенциальных актантов в значительной степени повторяет идеи, высказанные Гивоном еще в пионерской статье [Givón 1980], то обсуждение сентенциальных обстоятельств, кажется, вполне оригинально. На фоне других типов зависимых клауз сентенциальные обстоятельства демонстрируют большое разнообразие, как функциональное (обстоятельства времени, причины, цели и т. д.), так и структурное. Для этих клауз характерна меньшая степень структурной интеграции, чем для относительных клауз и сентенциальных актантов: Гивон подробно обсуждает эту закономерность и предлагает для нее естественное функциональное объяснение. Основной пафос этой главы диахронический: здесь демонстрируется несколько сценариев синтаксизации сентенциальных обстоятельств на основе других конструкций (паратактических, относительных и других). Одна из задач состоит в том, чтобы объяснить, почему для сентенциальных обстоятельств использование нулей характерно в меньшей степени, чем для других типов зависимых клауз. Эта задача успешно решается, но в результате получается, что именно эта глава — одна из немногих по-настоящему новых — меньше связана со сквозной темой книги, чем другие.

В 11-й главе обсуждаются по преимуществу цепочечные конструкции (clause-chaining), особенно в том виде, в котором они известны по языкам Новой Гвинеи. Как и в других

случаях, структурные синхронные свойства синтаксических конструкций получают диахроническое и функциональное объяснение: они возводятся к механизмам, которые действуют на уровне дискурса. Многие «папуасские» языки, особенно трансновогвинейские, примечательны тем, что в них пониженная финитность так называемых медиальных клауз исторически не связана с номинализацией. Гивон показывает, что медиальные клаузы с маркерами переключения референции занимают промежуточное положение между максимально финитными финальными клаузами и медиальными односубъектными клаузами, в которых финитность наиболее редуцирована. Основное эмпирическое утверждение касается диахронии: показывается, что маркеры переключения референции восходят к клитизованным местоименным показателям, а односубъектные медиальные — к конструкциям с нулем, что, в соответствии с общим тезисом Гивона, отражает наиболее высокий уровень «преемственности» (continuity). Кажется, этот последний тезис мог бы быть еще усилен, если бы были привлечены данные о таких трансновогвинейских языках, где выбор медиальной формы отражает не собственно (не)корреферентность субъектов, а более широкую преемственность смежных клауз (временную, пространственную, тематическую и т. п.) [Roberts 1988].

Небольшая по объему 12-я глава (“Promiscuous ill-governed zeros?”) занимает особое место в риторической структуре книги: здесь Гивон как будто бы ищет контрпримеры для своих обобщений, но проанализировав их, снова возвращается к основным утверждениям. В качестве потенциальных контрпримеров используются конструкции, которые содержат синтаксический нуль, но допускают более одной интерпретации:

- (4) *She saw him sitting on the porch* (с. 323).
 а. ‘Она видела его, сидя на крыльце’;
 б. ‘Она видела его сидящим на крыльце’.

Основной эмпирический тезис Гивона по поводу структур типа (4) состоит в том, что, хотя они в принципе грамматически возможны в ряде языков, их реальная частотность в естественных текстах чрезвычайно низка. При этом для установления референции нуля в спорных контекстах могут использоваться те же общие коммуникативные и когнитивные принципы, которые выводятся Гивоном на основе более прозрачных случаев. Этот вывод содержит и методологический посыл: лингвистам следует изучать естественную речь, а не конструировать структуры, которые никогда не будут встречены в живой речи.

Последняя глава книги (“Zero and the puzzle of stranded prepositions”) посвящена конструкциям, в которых предлог используется без той именной группы, с которой он должен был бы образовывать предложную группу, ср. *The woman he talked to is my wife*. Эта глава преподносится как развернутый ответ на вопрос, заданный в свое время Ф. Ньюмейером: каковы функциональные объяснения того, что конструкции с «оторванными» (stranded) предлогами так редки в языках мира. Как представляется, в действительности здесь обсуждается несколько иной вопрос: каково функциональное объяснение возникновения подобных конструкций. Ответ на этот вопрос сводится к следующему: такие конструкции удобны тем, что, с одной стороны, в них происходит «обнуление» (zeroing-out) синтаксически предсказуемого материала, а с другой стороны, используется эксплицитный маркер, позволяющий идентифицировать семантическую роль опущенной именной группы. Именно в этой связи Гивон предлагает широкий обзор тех типов контекстов, где фиксируется «отрыв» предлога (относительные клаузы, вопросительные предложения, пассивные конструкции и т. д.), а главное — тех синтаксических альтернатив «отрыву» предлога, которые фиксируются в этих контекстах. В этой главе особенно ярко проявляются особенности исследовательского и риторического стиля автора. С одной стороны, разнообразнейшие синтаксические структуры подвергаются функциональному анализу и убедительно «объясняются» — выводятся из общих дискурсивных и когнитивных принципов. С другой стороны, вопрос, послуживший толчком к этому

исследованию, по большому счету остается без ответа. Гивон на функциональных основаниях приравнивает конструкции с отрывом предлога к целому ряду других конструкций, объявляя их все «незначительными вариациями» (*minor variants*). Ему оказывается не так интересно выяснять, почему именно такая структурная возможность реализуется сравнительно редко. Строго говоря, и сам тезис о редкости конструкций с отрывом предлога не тестируется типологически, хотя для английского языка он в значительной мере подтверждается данными, приводимыми Гивоном. Английская конструкция, к которой изначально относился вопрос Ньюмейера, сопоставляется с фиксируемыми в других языках конструкциями, в которых на глаголе появляются маркеры роли опускаемого актанта. Основанием для такого приравнивания служит тот факт, что в английском языке оставшийся без именной группы предлог обычно клитизуется к глаголу. Диахроническая связь между предлогами и маркерами аппликатива убедительна, но все же сложно не заметить, что в английском языке безыменное использование предлогов не всегда приводит к клитизации предлога именно к глаголу: предлоги могут клитизоваться и к другим полноударным словам, ср.: *One of the issues I can often agree with my father about is the need for social capital* [Google]. Возможно, такие структуры не упоминаются Гивоном просто потому, что они встречаются в текстах редко, однако полностью игнорировать их существование, кажется, не вполне правильно.

Критически оценивать «Историю нуля» не самое благодарное занятие, хотя бы потому что на всем протяжении книги ощущается титаническая личность автора — такую книгу больше не мог бы написать никто. Высказывать аргументы за или против гипотез, обобщений и принципов, отраженных на страницах книги, не имеет большого смысла, просто потому, что без этих идей уже невозможно себе представить изучение референции в дискурсе и синтаксисе. Специалистам по референции и анафоре многие из этих идей хорошо известны — новая книга убедит их в первую очередь в том, что автор сохраняет свои убеждения, интеллектуальную мощь и риторическую страсть. Менее опытные лингвисты могут воспринять новую книгу как сравнительно краткое введение в лингвистический мир Гивона, впечатляющий сборник хитов, объединенных общей идеей.

И все же если оценивать не содержание и вклад Гивона в развитие теории референции, а конкретную публикацию, выпущенную в 2017 г., то она оставляет неоднозначное впечатление — именно потому, что автор, очевидно, не очень стремился подготовить целостное и современное сочинение и в какой-то мере шел по пути наименьшего сопротивления. В частности, обращает на себя внимание следующее.

1. Книга насыщена самоповторами. Помимо того, что многие главы повторяют более ранние публикации, некоторые пассажи повторяются по несколько раз внутри книги. В качестве примера можно привести 11-ю главу — по каким-то причинам в ней представлены значительные фрагменты, дословно пересекающиеся с 1-й, 3-й, 6-й, 8-й и 10-й главами! Такая организация материала может быть отчасти оправдана локально, но не идет на пользу тексту при сквозном чтении.

2. Очень многие — возможно большинство — базовых идей, отстаиваемых автором, были новаторскими в момент их первой публикации. Однако — и в этом во многом заслуга самого Гивона — изучение референции, связи синтаксиса и дискурса, кореферентности в полипредикативных конструкциях и т. д. не стоит на месте. К сожалению, те результаты, которые получены в этой области за последние десятилетия, в книге почти не отражены: например, в списке литературы нет таких важнейших публикаций, как [Fox 1987; Siewierska 2004; Kibrik 2011], — это тем более странно, что эти и многие другие исследователи анафоры опираются на идеи Гивона, но во многом уточняют их.

Некоторое ощущение анахронизма особенно огорчительно в тех случаях, когда автор строит свое изложение в полемическом ключе (а это происходит довольно часто). Отправной точкой для многих разделов стали высказывания других лингвистов — от неудачной реплики анонимного участника некоторой конференции 1986 г. до классических статей

Кеннета Хейла о параметре неконфигурационности (например, [Hale 1983]). Основным объектом критики на протяжении всей книги (как и всей лингвистической биографии) Гивона является генеративная грамматика. К сожалению, есть ощущение, что срок актуальности критики во многих случаях прошел: К. Хейл умер в 2001 г., а то, что писалось в последние 20-30 лет о «параметре *pro-drop*» или «неконфигурационности», уже значительно отличается от генеративных представлений 70-80-х гг., на которые со всей силой полемического пафоса обрушивается Гивон.

3. Одна из основных идеологических целей, преследуемых в книге, — предложить функциональное объяснение наблюдаемым фактам. Эта установка приводит к тому, что автор сосредоточен на картине в целом и регулярно жертвует деталями — техническими, типологическими и даже теоретическими. Примеры из тоновых языков приводятся без указания тонов; это не влияет на валидность выводов, но не вполне соответствует стандартам, принятым в современной типологии. Межъязыковые различия оказываются в тени по сравнению с теми глубинными сходствами, которые можно увидеть между языками. Даже там, где типологические различия вскрываются, это иногда делается несколько упрощенным образом, например, испанский противопоставляется английскому как язык с обязательным глагольным согласованием. Не вполне ясно, насколько четко в системе Гивона языки можно разделить на эти два класса и где та количественная граница, которая позволяет относить конкретные языки в тот или другой класс. Главная же проблема в том, что неясно, насколько регулярно различия в использовании местоимений связаны с наличием или отсутствием глагольного согласования: скорее всего, здесь можно говорить о количественной типологической корреляции, а не о жесткой импликации. В подобных построениях Гивон проявляет себя как представитель эпохи, когда типология была наукой о языковых типах и универсалиях, а не о распределениях и вероятностях.

Наконец, некоторая склонность к упрощению наблюдается и в том, что касается теоретического аппарата. Парадоксальным образом, в книге не получают четкого определения базовые понятия, которыми оперирует автор: местоимение, клитика, референция, подлежащее, суффикс, согласование и даже нуль. Без таких определений многие конкретные суждения неизбежно оказываются несколько размытыми, плохо интерпретируемыми. Так, сообщается, что в языке юте “[m]ost clitic pronouns are already verb-suffixes” (с. 125). Чтобы сделать это суждение верифицируемым, необходимо четкое понимание всех использованных терминов. В отсутствие такого понимания смысл сказанного остается зыбким, понятным лишь интуитивно (замечу, что для многих лингвистов понятия «клитика» и «суффикс» являются взаимоисключающими). Противопоставление самостоятельных слов, клитик и аффиксов, особенно на обширном типологическом материале, — очень непростая задача, но это как раз лишний повод относиться с максимальной серьезностью к определению понятий. Особенно это касается центрального понятия — нуля: исторически нуль пришел в лингвистику вместе со структурализмом; поскольку Гивон яростно отвергает структуралистскую платформу (с. 197), возникает вопрос о том, как именно можно определить нуль. Этот аспект может быть особенно важен для русскоязычного читателя: по крайней мере на фоне языков Западной Европы русский язык известен частотностью нулевых выражений [Weiss 1993], а главное — на русском материале проводилось множество исследований, показавших, что синтаксические нули могут очень различаться по своим свойствам (см. хотя бы [Булыгина, Шмелев 1990; Мельчук 1995]). Все подобные детали остаются вне поля зрения в рецензируемой книге — объясняя появление нулей в текстах, Гивон рассматривает их как представителей сравнительно монолитного класса лингвистических объектов.

Разумеется, высказанные выше соображения не отменяют исключительного вклада Гивона в развитие теории референции и лингвистики в целом. Его новая книга является безусловным подтверждением важности уже высказывавшихся идей, но также содержит и разделы, где те же принципы применяются к новому материалу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 3 — 1, 3 лицо

COLL — собирательность

EXIST — экзистенциальная копула

FOC — фокус

M — мужской род

NEG — отрицание

PST — прошедшее время

PFV — перфектив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Булыгина, Шмелев 1990 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства. *Типология и грамматика*. Храковский В. С. (ред.). М.: Наука, 1990, 109–117. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. Syntactic zeroes and their referential properties. *Tipologiya i grammatika*. Hrakovskij V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1990, 109–117.]
- Кибрик, Подлеская 2009 — Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. [Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.). *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night dream stories: A corpus-based study of Russian spoken discourse]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Мельчук 1995 — Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». М.; Вена: Языки русской культуры, 1995. [Mel'čuk I. A. *Russkii yazyk v modeli «Smysl ↔ Tekst»* [The Russian language in the “Meaning ↔ Text” model]. Moscow: Yazyki Russkoj Kul'tury; Vienna, 1995: Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 39.]
- Bickel 2003 — Bickel B. Referential density in discourse and syntactic typology. *Language*, 2003, 79: 708–736.
- Dryer 2013 — Dryer M. S. Expression of pronominal subjects. *The World Atlas of Language Structures Online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/101>. Accessed on 2019-01-15.
- Fox 1987 — Fox B. *Discourse structure and anaphora. Written and conversational English*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
- Givón 1976 — Givón T. Topic, pronoun and grammatical agreement. *Subject and topic*. Li Ch. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 151–188.
- Givón 1980 — Givón T. The binding hierarchy and the typology of complements. *Studies in Language*, 1980, 4(3): 333–377.
- Givón 1983 — Givón T. Topic continuity in discourse: An introduction. *Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study*. Givón T. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1983, 1–41.
- Givón 1990 — Givón T. *Syntax: A functional-typological introduction. Vol. II*. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Givón 1992 — Givón T. The grammar of referential coherence as mental processing instructions. *Linguistics*, 1992, 30: 5–55.
- Givón 2002 — Givón T. *Bio-linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Givón 2009 — Givón T. *The genesis of syntactic complexity*. Amsterdam: John Benjamins, 2009.
- Givón 2015 — Givón T. *The diachrony of grammar. Vol. I–II*. Amsterdam: John Benjamins, 2015.
- Gundel et al. 1993 — Gundel J. K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse. *Language*, 1993, 69(2): 274–307.
- Hale 1983 — Hale K. Warlpiri and the grammar of non-configurational languages. *Natural Language and Linguistic Theory*, 1983, 1: 5–47.
- Haspelmath 2013 — Haspelmath M. Argument indexing: A conceptual framework for the syntax of bound person forms. *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska*. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 197–226.
- Kibrik 2011 — Kibrik A. A. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Moravcsik 1974 — Moravcsik E. Object-verb agreement. *Working papers in language universals. Vol. 15*. Stanford (CA): Stanford Univ., 1974, 25–140.
- Roberts 1988 — Roberts J. R. Amele switch-reference and the theory of grammar. *Linguistic Inquiry*, 1988, 19(1): 45–63.
- Siewierska 2004 — Siewierska A. *Person*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.

Siewierska 2013 — Siewierska A. Verbal person marking. *The World Atlas of Language Structures Online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/102>. Accessed on 2019-01-15.

Weiss 1993 — Weiss D. Die Faszination der Leere. Die moderne Russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null. *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1993, LIII(1): 48–82.

Получено / received 22.01.2019

Принято / accepted 19.02.2019

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС 77-66704 от 28.07.2016 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 21.11.2019 Формат 70×100¹/₆ Уч.-изд. л. 16

Тираж 400 экз., включая 5 экз. бесплатно

Зак. 5/6а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»